

Л. М. Глушкина

ЭЙСФОРА В АФИНАХ IV в. до н. э.

Вопрос об эйсфоре, который исследователи относят к числу ключевых вопросов афинской истории IV в. до н. э., в течение длительного времени вызывал противоречивые суждения и толкования¹. Это объясняется прежде всего характером имеющихся античных свидетельств. Хотя в источниках упоминания об эйсфоре многократно, они в большинстве случаев сводятся к сделанным попутно замечаниям, рассчитанным на осведомленного читателя или слушателя, которому не надо разъяснять, что собой представлял этот налог. Когда же на основе этих скудных данных приходится восстанавливать и характер налога, и затрагивавшиеся им имущественные интересы плательщиков, оказывается, что античные свидетельства не только неясны, но в ряде случаев и противоречивы.

Несмотря на многочисленные эпиграфические и папирологические открытия последних десятилетий, наши сведения об эйсфоре пока не обогатились новыми данными. Но в связи с возросшим интересом к социально-экономическим проблемам древней истории к эйсфоре обращаются снова и снова, дополняя выдвинутые ранее гипотезы или заменяя их новыми². К сожалению, существующие трудности остаются и после опубликования этих работ, они лишь подчеркнули сложность и значимость рас-

¹ См. Ch. L'écrivain, *Eisphora*, D.-S., P., 1892, стр. 504 слл.; Boërgner *Eisphora*, RE, V (1905), стб. 2149; A. Andreades, *Geschichte der griechischen Staatswirtschaft*, I, München, 1931, стр. 348 слл.

² Со времен Августа Бека стал дебатироваться вопрос, взималась ли эйсфора в разных пропорциях с представителей разных имущественных групп, или пропорция устанавливалась одна, независимо от имущественного ценза, а менялись лишь соответственно суммы налога (A. Böckh, *Die Staatshaushaltung der Athener*, I³, B., 1886, стр. 555 слл.). По мнению Бека, налог взимался не со всего имущества плательщиков, а лишь с части его, причем для людей I имущественного класса эта часть составляла $\frac{1}{3}$ (20%) их состояния, а для следующих классов соответственно: 16%, 12% и 8%. Теория Бека в свое время была подвергнута критике в статьях Ю. Белоха (J. Beloch, *Das Volksvermögen von Attika*, «Hermes», XX (1885), стр. 237 слл.; он же *Das Attische timema*, «Hermes», XXII (1887), стр. 371 слл.). К Белоху присоединились Э. Мейер (Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, V, Stuttgart u. B., 1902, стр. 386; он же, *Kleine Schriften*, Halle, 1924, стр. 120, прим. 1, стр. 130, прим. 2), Каршtedт (U. Karstedt, *Die athenischen Symmorien*, *Forschungen zur Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts*, B., 1910, стр. 237 слл.) и Вильгельм (A. Wilhelm, *Urkunden aus Messene*, «Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien», XVII, 1914, стр. 109 сл.). Однако в позитивных суждениях Белоха был ряд слабых моментов, и полемика по этим вопросам продолжается и поныне (см. A. H. M. Jones, *The Athens of Demosthenes*, Cambr., 1952; G. E. M. De Sainte-Croix, *Demosthenes TIMEMA and the Athenian EISPHORA in the fourth Century B. C.*, «Classica et Mediaevalia», 1953, XIV, стр. 30).

смаатриваемого вопроса. Поэтому целесообразно еще раз обратиться к рассмотрению имеющихся свидетельств об эйсфоре.

В речах Демосфена против опекунов (XXVII, XXVIII, XXIX) говорится, что опекуны в связи с налогом оценили оставленное отцом оратора имущество в три таланта и что такая оценка (τίμημα) соответствует состоянию в 15 талантов. По такой оценке (500 драхм с 25 мин) платят богатые налогоплательщики³. Отсюда как будто следует, что менее состоятельные платили по другой расценке. Прямо об этом у Демосфена нигде не сказано.

В дополнение к Демосфену привлекается обычно чрезвычайно неясное свидетельство лексикографа II в. н. э. Поллукса (VIII, 130), который пишет, что I солоновский класс платил в казну один талант, II класс — $\frac{1}{2}$ таланта, III — 10 мин, а IV был вообще освобожден. То, что более состоятельные платили большие суммы в казну, вполне правомерно. Но Поллукс приводит стабильные цифры для каждого из трех первых солоновских классов, ничего не говоря о существовании пропорционального обложения. Его данные ни в чем не совпадают с цифрами Демосфена, который к тому же вообще не упоминает солоновские классы, а выделяет лишь группу наиболее богатых (οἱ τὰ μέγιστα κερτμένον τίμηματα). Поскольку люди, входившие в одни и те же группы по имущественному цензу, владели различными по размеру состояниями (в установленных цензом рамках), то слова Поллукса «платили талант, $\frac{1}{2}$ таланта» и т. д. вряд ли могут относиться к платежам по налогу. В тексте Поллукса не упоминается эйсфора, а просто говорится о платежах в казну⁴.

По вопросу о соотношении τίμημα и имущества противоречивы свидетельства и самого Демосфена. С одной стороны, он заявляет, что раз его τίμημα равнялась 3 талантам, то оставленное ему наследство составляло 15 талантов (XXVII, 9); с другой стороны, давая подробный перечень всего имущества покойного отца с указанием цены каждой его составной части, оратор приводит цифры, которые в сумме дают немногим более 13 талантов⁵. А из этого имущества более 3 талантов, согласно завещанию отца Демосфена, должны были получить и получили опекуны⁶. Следовательно, доставшееся наследникам состояние оказалось еще меньшим. А опекуны тем не менее оценили его по самой высокой оценке, и Демосфен, еще будучи ребенком, был сделан главой своей симмории⁷. Получается, что τίμημα, равная трем талантам, могла соответствовать состоянию и меньшему, чем 15 талантов. В то же время в речах неоднократно повторяется, что опекуны за него платили эйсфору из расчета пять мин с 25, наравне с самыми богатыми из плательщиков.

Определение подлинной значимости названной Демосфеном оценки и соотношения 1 : 5 вызывает большие трудности. Облагалась ли только

³ Dem., XXVII, 7: «Они подали за меня декларацию в симморию из расчета уплаты эйсфоры — 500 драхм с 25 мин, из того же расчета, из какого платили эйсфору Тимофей, сын Конона, и владельцы наибольших состояний». Ср. XXVII, 9: ... πεντεκαίδεκα ταλάντων γὰρ τρία τάλαντα τίμημα. Ср. XXVIII, 4: «Ведь сам Афоб вместе с другими опекунами показал городу большие размеры оставленного мне в наследство имущества тем, что сделал меня главой симмории, и не по малым расценкам, а по таким, чтобы платить налог из расчета 500 драхм с 25 мин»; ср. XXIX, 59.

⁴ Примечательно и то, что Поллукс не употребляет обычного для обозначения платежей по эйсфоре глагола εἰσφέρειν, а пишет ἀναλίσκων εἰς τὸ δημόσιον. Не упоминает он и симморий. Его свидетельство могло относиться и к другим расходам на государственные нужды. В свое время Бек, ук. соч., стр. 579 сил., остроумно пытался связать цифры Поллукса с солоновскими классами. Однако попытка приписать Солону создание дифференцированной системы для взимания налогов совершенно несостоятельна.

⁵ Dem., XXVII, 4, 5, 9—11.

⁶ Dem., XXVII, 44—45; XXVIII, 8; XXIX, 43, 44—45.

⁷ Dem., XXVIII, 4, XXI, 157.

$\frac{1}{5}$ имущества, как полагал Бек ⁸, или $\frac{1}{5}$ представляла ту часть, которую государство могло взыскать в виде налога? ⁹ Первое означало бы чрезмерную льготу для богатых налогоплательщиков, что идет вразрез со всей финансовой и экономической политикой афинской демократии. Против второго говорит то обстоятельство, что опекуны Демосфена уплатили за него в течение 10 лет опеки только 18 мин эйсфоры (Dem., XXVII, 37) ¹⁰. Высказывалось и такое мнение, что опекуны платили за Демосфена $\frac{1}{5}$ всей суммы налога, причитавшейся с его симмории, или что он отвечал за уплату $\frac{1}{5}$, гарантируя или анансируя ее ¹¹. Не совсем понятно, что могли дать такие расчеты при конкретных случаях взимания налога, когда нужно было определить долю каждого плательщика. Во всяком случае из слов Демосфена совершенно очевидно, что отношение 1 : 5, как бы его ни понимать, было отношением налога и имущества самого плательщика.

Из Демосфена же нам известно, что общая оценка всего подлежащего обложению имущества в Аттике составляла 6000 талантов и в зависимости от того, сколько требовалось денег, декретировали однопроцентный, двухпроцентный и тому подобный налог, что давало соответственно 60, 120 и т. д. талантов ¹². Здесь нет речи о подразделении налогоплательщиков на какие-то группы по их имущественному положению. Получается, что все платили в равной пропорции к их имуществу (сумма налога исчисляется в одинаковом процентном отношении ко всей массе облагаемого имущества, куда, разумеется, включались состояния самой различной величины). Это как будто противоречит свидетельству Демосфена об особой системе расчета по эйсфоре для богатых налогоплательщиков.

В свое время Бек, а затем его последователи пытались разъяснить это тем, что в *τίμημα*, служившую основой для определения налога, включалось не все имущество, а только определенная его часть (у I класса $\frac{1}{5}$), а налог затем начислялся уже одинаково для всех на основании сумм, включенных в *τίμημα*. Отсюда следовало, что 6000 талантов — это не все фактическое достоинство налогоплательщиков, а только часть его ¹³. Разнобой в предлагавшихся цифрах для оценки общего достояния Аттики свидетельствует о недостаточной обоснованности этих расчетов и шаткости подобных построений ¹⁴.

⁸ С некоторыми оговорками к мнению Бека присоединяется J. M. Stahl, *Die EISPHORA und ihre Reform unter dem Archon Nausinikos*, Rh. M., N. F., B. 76, Frankf. a./M. (1912), стр. 401 слл.; ср. W. Schwan, *Die Attische EISPHORA*, Rh. M., B. 82, II. 3, Frankf. a./M. (1933), стр. 251; J. H. Lipsius, *Die Attische Steuerverfassung und das attische Volksvermögen*, Rh. M., N. F., B. 74, II. 2 (1916), стр. 167 слл.

⁹ Так, например, H. F r a n c o t t e, *Les finances des cites grecques*, Liège, 1909, стр. 32 слл.

¹⁰ Конечно, если бы $\frac{1}{5}$ составляла вообще ту часть имущества, которую государство теоретически вправе было взыскать за все время жизни налогоплательщика, пример с 18 минями, уплаченными за Демосфена, ничего бы не опровергал. Однако такое самоограничение чуждо финансовой практике греческих государств, и к тому же весь контекст соответствующих высказываний Демосфена противоречит подобному пониманию.

¹¹ Б е л о х, *Das Volksvermögen...*, стр. 254 сл., полагал, что 15 талантов составляли оцененное имущество всей симмории, а доля Демосфена, равная 3 талантам, составляла $\frac{1}{5}$ и *τίμημα* симмории и уплачиваемого ею налога. Но это опять-таки решительно противоречит высказываниям Демосфена.

¹² Д е м., XIV, 19, 27; ср. III Ol., 4, 5; P h i l o c h o r, fr. 46, FGH, III, № 328; П а р о с с., s. v. *τίμημα*.

¹³ В ö c k h, ук. соч., стр. 599 слл.; S c h w a n, ук. соч., стр. 251 слл.; S t a h l, ук. соч., стр. 401 слл.

¹⁴ Так, Б е к, ук. соч., стр. 574 слл., оценивал народное достояние Аттики в IV в. до н. э. в 30 000—40 000 талантов, Ш т а л ь, ук. соч., стр. 415,—в 28 000, Ш в а н, ук. соч., стр. 278,—в 33 000; ср. Sainte-Croix, ук. соч., стр. 37.

В пользу того, что цифра в 6000 талантов соответствует всему имуществу налогоплательщиков Аттики, а не какой-то части его, свидетельствует Полибий. Хотя он писал во II в. до н. э., но имел в своем распоряжении хорошие аттические источники, и его позднее свидетельство, не зависящее от Демосфена, лишь подтверждает сравнительную стабильность этой оценки. Критикуя сообщение историка Филарха об огромной добыче, якобы вывезенной Клеоменом из Мегалополя в 223 г. до н. э., Полибий утверждает, что во всем Пелопоннесе нельзя было тогда набрать имущества на такую сумму, и в качестве примера приводит Афины IV века до н. э. Когда там произвели оценку имущества для взыскания эйфоры (в период союза с фиванцами против лакедемонян, т. е. в 378/377 г. до н. э.), во всей Аттике оказалось имущества на 5750 талантов¹⁵. Полибий ясно говорит, что оценивались все виды имущества — земля, дома и прочее, и нигде не оговаривает, что в *τμήμα* включалась только определенная часть его. К сожалению, в перечне Полибия не уточнено то, что вошло в «прочее имущество» (*τὴν λοιπὴν οὐσίαν*).

Цифра Полибия (5750 талантов) несколько меньше цифры Демосфена (6000 талантов). Разница в 250 талантов могла получиться в результате округления цифры Демосфеном, или можно предположить, что в период между 378/377 г. и 354 г., когда произнесена была речь о симмориях, была произведена новая оценка облагаемого имущества¹⁶. Однако об этом нет свидетельства, и, по-видимому, ими не располагал и Полибий, иначе он сослался бы на данные более близкого к походам Клеомена периода.

Цифры общеаттического достояния, сообщаемые Демосфеном и Полибием, могут рассматриваться как официально принятая оценка всего облагаемого имущества. Есть все основания полагать, что в декларациях налогоплательщиков преуменьшались подлинные размеры их имущества, что особенно легко было сделать в случае, если имущество было в денежной форме¹⁷. Притом в оценку, естественно, не включалось имущество освобожденных от налога¹⁸. В пользу того, что в *τμήμα* включалось все облагаемое имущество, а не определенная часть его, свидетельствует договор об аренде, датированный серединой IV в. Некий Ев-

¹⁵ Polyb., II, 62 ... ἐτίμησαντο τὴν τε χώραν τὴν Ἀττικὴν ἅπασαν καὶ τὰς οἰκίας, ὁμοίως δὲ καὶ τὴν λοιπὴν οὐσίαν· ἀλλ' ὅμως τὸ σύνολον τμήμα τῆς ἀξίας ἐνέλιπε τῶν ἐξαιρηχέων διακοσίους καὶ πεντήκοντα τάλαντους.

¹⁶ О возможности таких переоценок см. Hagnosch., s. v. ἵνασόνταξις (Hagnosch., fr. 151); Suid., s. v.: «Всякий раз, когда народ решит, что записанные в списки симморий оценки нуждаются или в прибавлении или в уменьшении, тогда избирают тех, кто это сделает, что и называется ἵνασόνταξις». Ср. Poll., VI, 179; Polland., Συμμορία, R. E., VII (1931), стб. 1162 слл.

¹⁷ В источниках многочисленны свидетельства о намеренном преуменьшении размеров имущества. Так, например, Is., V., 35 слл.; VII, 39 слл.; XI, 47, 49; Isocr., VII, 35; Luc., III, 22, 24; XX, 23; Arist., Eccl., 601 слл.; Dem., XIV, 25; XLII, 3, 22, XLV, 66; Aesch., I, 101; Dein., I, 69 сл.

¹⁸ Общепринято мнение, что беднейшие слои населения, предположительно те, чей ценз был ниже 25 мин, от налога освобождались. Предположение об этом минимуме основано на заявлениях, повторяющихся у Демосфена в речах против опекунов, что они платили за него из расчета 500 драхм с 25 мин (Dem., XXVII, 7; XXVIII, 4; XXIX, 59, 60) (Возможно, 25 мин составляли ценку низшую или минимальную единицу обложений. Количество таких малоимущих, освобожденных от налога, конечно, определить невозможно. Но с полным основанием можно предполагать, что число их было значительно. Когда в 322 г. была проведена антидемократическая реформа Антипатра, ограничившая число полноправных граждан лишь теми, чей имущественный ценз был не ниже 20 мин, оказалось, что только 9000 из 21 000 афинян соответствовали этому условию (Diod., XVIII, 48, 4; Plut., Phoc., 28-14; Athen., VI, 272 C.). Между тем предпологаемый минимальный ценз для эйфоры был на 5 мин выше (25 мин). Цифры 322 г., конечно, нельзя распространять на весь IV в., однако соотношение весьма показательное.

крат, арендующий несколько строений, расположенных в deme Пирее, обязуется платить с этого имущества эйсфору в соответствии с его оценкой (*τίμημα*) в 7 мин¹⁹. Так как арендная плата 54 драхмы в год составляет 7,7% от 7 мин, у нас есть все основания утверждать, что 7 мин — это полная стоимость всего арендованного имущества²⁰.

Аналогией к общеаттической *τίμημα* может служить мессенская надпись II в. до н. э. о недоимках по эйсфоре, которая свидетельствует, что в Мессене налог исчислялся со всего имущества налогоплательщиков²¹.

Таким образом, есть основания полагать, что 6000 талантов составляли оценку всего имущества налогоплательщиков. Однако этому противоречат приведенные выше высказывания Демосфена, что *τίμημα* в 3 таланта соответствует состоянию в 15 талантов.

Очередную попытку объяснить это противоречие представляет опубликованная в 1953 г. статья Сент-Круа²². Автор выдвигает гипотезу, что пропорция 1 : 5 относится не к распределению самого налога, а к обязанностям авансировать его — к проэйсфоре²³. По мнению Сент-Круа, с введением симморий на три лица, возглавлявших каждую из них, была возложена ответственность за уплату проэйсфоры. Эта ответственность устанавливалась в известной пропорции к их *τίμημα*, причем для самых богатых эта пропорция равнялась 1 : 5. Для расчетов тех, кто собирал налог, важна была не столько пропорция, сколько получавшаяся в итоге сумма, которую в случае надобности можно было затребовать. У Демосфена эта сумма составляла, по представлению опекунов, 3 таланта. Демосфен выводит цифру отцовского наследства в 15 талантов из расчетов, представленных опекунами в симморию. В действительности же, по мнению Сент-Круа, это наследство не превышало 10 талантов. Демосфен тщательно избегает прямых упоминаний о реальной стоимости его имущества и ничего не говорит, из какого расчета платил налоги его покойный отец.

Сент-Круа отдает себе отчет в недостаточной убедительности своей гипотезы (a provisional hypothesis until a more satisfactory one is put forward). Но он полагает, что из всех предлагавшихся до сих пор объяснений его толкование лучше всего соответствует свидетельствам источников, прежде всего Демосфена.

К сожалению, и эта гипотеза не устраняет имеющихся трудностей в понимании эйсфоры и свидетельств Демосфена. Прежде всего, нуждается в объяснении тот факт, что опекуны намеренно завысили оценку имущества своего подопечного. Сент-Круа (стр. 66 слл.) говорит, что это не могло принести вреда, так как никогда реально не требовалась единовременная уплата столь большой суммы, но это не объясняет побудительных мотивов поступка опекунов.

¹⁹ IG. II/III², 2496, сткк. 1—12. Взимание эйсфоры с имущества, оцениваемого в 7 мин, не противоречит предположению о минимуме в 25 мин. Ведь сдаваемое в аренду имущество составляло только часть всего достояния его владельца.

²⁰ Арендная плата в Аттике этого периода обычно составляет 8—12% стоимости арендованного имущества. См., например, Is., XI, 42.

²¹ См. IG, V, I, 1433; Wilhelm, ук. соч., стр. 48 слл.

²² Sainte-Croix, ук. соч., стр. 30 слл. О возможности такого толкования без развернутой аргументации писал еще Каршtedт, ук. соч., стр. 220 слл.

²³ В 378/377 г. до н. э. в архонтство Павсиника учреждены были специальные 100 симмории для взимания эйсфоры, каждая из которых возглавлялась тремя лицами (*ἡγεμῶν, δεύτερος, τρίτος*), составлявшими в совокупности 300 человек (*οἱ τριακῆσιοι*). Позднее на эти 300 лиц была возложена обязанность авансировать налог государству (так называемая *προέιςφορά*); см. Hagnos, s. v. Συμμορία; Phot., s. v. *καὶ ἡρχία* (Cleidemus, fr. 8, FGrH, III, № 323); Dem., II, 29; XVIII, 103, 171; XXI, 153, 157; XXII, 44; XXVIII, 4; [Dem.], XLII, 3, 4, 5, 25; Is., VI, 60; Hagnos, fr. 147 у Hagnos, s. v. ἡγεμῶν.

Против гипотезы Сент-Круа говорит и то, что Демосфен в связи со своей *τιμή* ни разу не упоминает слова *προεισφορά*, а каждый раз говорит: платили эйсфору²⁴. Вряд ли можно допустить, что слова *εἰσφέρειν* и *εἰσφορά* употреблялись соответственно в смысле *προεσφέρειν* и *προεσφορά*. Прозейсфора была экстраординарной литургией, возлагавшейся в случае надобности на плечи богатейших членов симморий, а эйсфора — налог, которым облагались все имущие жители Атики. Ни один выступавший в суде афинянин, восхваляя свои заслуги перед отечеством, не стал бы заменять упоминание о своем участии в обременительной и дорогостоящей литургии заявлением, что он просто честно выполнял возлагавшиеся на него в обязательном порядке повинности. Вряд ли можно считать простой случайностью, что слова *προεσφορά* и *προεσφέρειν* впервые в дошедших источниках упоминаются только в приписываемой Демосфену речи (L, 8), датированной около 360 г. до н. э., хотя об эйсфоре имеется много более ранних свидетельств. К тому же из этого первого свидетельства мы узнаем, что авансировали налог государству не представители симморий, а богатейшие землевладельцы и собственники, имущество которых учитывалось по демам²⁵. Нет никаких оснований видеть здесь особый случай, вызванный чрезвычайными обстоятельствами, почему-то заставившими отказаться от привлечения к прозейсфоре симморий²⁶. По всей вероятности введение прозейсфоры как обычной процедуры взимания налога и возложение этой обязанности на 300 *προεσφέροντες* в симмориях произошло не сразу, во всяком случае не одновременно с организацией симморий в 378/377 г. Нам хорошо известно, что IV век до н. э. был для Афинского государства периодом лихорадочных исканий источников пополнения казны и покрытия военных расходов. Меняется система триерархий, предлагаются проекты дальнейших преобразований в этой области²⁷. Не было бы ничего удивительного и в том, что изменялась и практика взимания эйсфоры. Введенные в 378/377 г. до н. э. симмории должны были облегчить государству организацию сбора этого все чаще вводившегося налога. Стоявшие во главе каждой симмории три лица, вероятно, из самых богатых ее членов, могли выполнять чисто административные и организационные функции, которые в афинских условиях были сопряжены и с некоторыми трастами.

Что первоначально в обязанности главы симмории не входило авансировать эйсфору, видно из свидетельства Демосфена. В речи против Мидия (XXI, 153) оратор упрекает своего противника, который кичится своим богатством и тем, что он состоит в числе авансирующих налог государству (*ἡμεῖς οἱ προεσφέροντες ὅμιν*) и в то же время ни разу

²⁴ Dem., XXVII, 7; *εἰς γὰρ τὴν συμμορίαν... συνετάξαντο... εἰσφέρειν*; XXVIII, 4: *οὐκ ἐπὶ μισροῖς τιμήματιν... εἰσφέρειν*; XXIX, 59: *πρὸς μὲν τὴν συμμορίαν... εἰσφέρων*.

²⁵ Весьма вероятно, что первоначально к прозейсфоре привлекались только богатые землевладельцы, имущество которых легко было учесть. К тому же только недвижимое имущество могло представить государству надежную гарантию на случай невыполнения привлекаемым лицом своих обязательств. По мере возрастания роли денежных состояний, а это было, безусловно, прогрессирующим в IV в. процессом, обязанность прозейсфоры была возложена на 300 богатейших граждан, в число которых вошла и землевладельческая, и денежная верхушка.

²⁶ Так, например, S a i n t e - C r o i x, ук. соч., стр. 60, видит здесь обычную процедуру.

²⁷ См. Dem., XIV, 16 сл.; XVIII, 102 сл.; [Dem.], XLVII, 21; A e s c h., III, 222. Ср. B ö c k h., ук. соч., стр. 636 сл.

не был гегемоном своей симмории, в то время как сам Демосфен был им в течение десяти лет²⁸.

Против гипотезы Сент-Круа, что отношение 1:5 у Демосфена относится к проэисфоре, свидетельствует и то, что оратор говорит о взносах в симморию, а не в государственную казну (XXVII, 7: *εἰς τὴν συμμορίαν εἰσφέρειν*, XXVIII, 4: *τὴν εἰσφοράν... πρὸς τὴν συμμορίαν*). Непонятно, почему Сент-Круа (ук. соч., стр. 47) видит в этом аргумент в свою пользу. Если допустить, что взносы по эйсфоре делались не непосредственно в государственную казну, а в симморию, то проэисфора уже во всяком случае вносилась в государственную казну (*εἰς τὸ δημόσιον*). Налог ведь авансировался государству, а не симморитам.

Таким образом, предложенное Сент-Круа толкование так называемых «проблемных мест» в речах Демосфена не устраняет встречающихся трудностей, и вопрос о подлинной значимости их и соотношения 1:5 не может пока считаться решенным. При отсутствии новых античных свидетельств, разъясняющих вопрос об эйсфоре, вряд ли удастся окончательно разрешить указанные трудности. Можно лишь предложить еще одну попытку толкования имеющихся данных.

Когда в 378/377 г. до н. э. в Аттике произвели оценку — *τίμημα* всего облагаемого имущества, получилась цифра около 6000 талантов. С этой официальной *τίμημα* исчисляли налог на протяжении IV в. до н. э. Хотя у лексикографов засвидетельствовано слово *ἀνασύνταξις* — переоценка, у нас нет конкретных свидетельств о такой мере в масштабе всей Аттики после 378/377 г. Когда Демосфен в 354 г. выступил по вопросу о симмориях, цифра общегосударственной *τίμημα* была примерно той же, что и в 378/377 г. Полибий, писавший во II в. до н. э., ссылается на *τίμημα* 378/377 г. Между тем нет сомнений в том, что на протяжении IV в. до н. э. размеры состояний и имущественное положение отдельных афинян претерпевали серьезные изменения. Из одних рук в другие переходило не только движимое имущество, но и земли и дома. Менялись размеры состояний и состав их владельцев. Многие, безусловно, переходили из одного имущественного разряда в другой²⁹. Как же это совмещалось с сохранением стабильной цифры оценки аттического достояния? Дело, по-видимому, в том, что перемещение имущества, как правило, не меняло его стоимости, а государству для исчисления налога важна была прежде всего общая цифра всего облагаемого достояния Аттики³⁰. Наличие такой заранее известной и ста-

²⁸ На том основании, что Демосфен возглавлял симморию, будучи еще ребенком, заключают обычно, что у гегемона не было административных функций. Однако за несовершеннолетнего наследника все необходимые обязанности могли выполнять опекуны. Этим, возможно, объясняется и то, почему опекуны завысили оценку оставленного Демосфену наследства. Отпеся своего подопечного в разряд самых богатых членов симмории и выполняя за него роль гегемона в симмории, опекуны, по-видимому, злоупотреблявшие своими правами, рассчитывали приобрести себе на этом известный престиж. Если бы роль гегемона симмории ни к чему не обязывала, Демосфен не стал бы упрекать Мидию за уклонение от нее.

²⁹ Так, например, если верить Демосфену, состоявшие, оставленное ему отцом, отнеслось к числу наиболее значительных в Аттике. А к моменту совершеннолетия он получил от опекунов имущества всего на 30 мин и 14 рабов (XXVIII, 8). О переменах в имущественном положении отдельных лиц и семей свидетельствуют и L у с., XXVI, 4; XIX, 28—32; I s o c r., VII, 83; XV, 159; ср. [D e m.], XLII, 4: «Лишь у немногих граждан материальное благополучие сохраняется непрерывно».

³⁰ О том, что при исчислении эйсфоры учитывалось прежде всего имущество непосредственно к его держателю, свидетельствуют аттические надписи об аренде земли и другого имущества. Обязанность платить эйсфору в одних случаях возлагается на арендатора, в других — на собственника имущества. Во внимание принимается не имущественное положение держателя, а стоимость арендованного имущества. См. IG, II/III², 2496, сткк. 25 слл.; 2498, сткк. 7 слл.; 2499, сткк. 37 слл.

бильной величины было очень удобно при определении суммы налога, который подлежал взысканию. Это хорошо видно из речи Демосфена о симмориях (XIV, 19, 27). При определении суммы налога и процента его в отношении к общегреческой *τίμημα* не учитывалось, как облагаемое имущество распределяется между отдельными плательщиками. Но, после того как сумма очередного налога была определена, возникала задача распределения его между симмориями и внутри симморий. Хотя у нас нет никаких точных сведений об этом, можно предположить, что при общегреческой *τίμημα* в 6000 талантов на каждую из 100 симморий приходилось примерно 60 талантов. Разным, конечно, с самого начала было число членов симморий, но и здесь можно предполагать колебания вокруг некоего среднего уровня, поскольку в состав каждой симмории входили и богатые, и лица средних состояний, и низшая категория плательщиков с имуществом около 25 мин.

Для того чтобы распределить налог внутри симмории, необходимы были точные сведения об имущественном положении каждого ее члена. Здесь уже, конечно, учитывалось реальное положение вещей в момент взыскания налога. Декларации, подававшиеся плательщиками, могли проверяться и представителями государства, и другими членами симмории³¹. Трудно было утаить такое имущество, как земля, дома, скот, рабы. Иное дело — деньги в виде процентных ссуд, вкладов в трапезы и др.³²

Афинское государство в практике эйсфоры руководствовалось фиксированной однажды цифрой, которая с течением времени превратилась в известной мере в условную величину. После того как принималось решение о взимании эйсфоры в той или иной сумме, она распределялась между симмориями. Внутри же симморий вступали в силу иные принципы, отражение которых мы и видим в речах Демосфена и, возможно, у Поллукса. Здесь налог распределялся между членами симморий неравномерно³³. Привлечение богатой верхушки афинян к тратам на государственные нужды характерно для всей экономической политики Афинского государства. Естественно, что и налог с имущества они платили в большей пропорции, чем остальные. Хотя члены каждой симмории знали друг друга, но это все же были жители не одного и того же дема, и для распределения налога необходимы были регулярно возобновлявшиеся сведения об имущественном положении каждого.

³¹ Этой проверкой, вероятно, занимались упоминаемые в источниках *διαγραφείς* симморий. Любопытное свидетельство проверки таких деклараций связи приводит в приписываемом Аристотелю экономическом трактате (Ps.-Arist., Oec., II, 5). Там сообщается, что афиняне, жившие в Потидее, пуждаясь в деньгах на военные нужды, произвели оценку состояний не по месту жительства каждого, а по месту нахождения его имущества, чтобы бедные могли проверять (справедливость оценки). Об учете имущества одновременно в разных демах в Аттике IV в. до н. э. см. [Dem.], I, 8: ... *προσπαρήνχθη μοι τοῦτομα ἐν τριττοῖς δήμοις διὰ τὸ φαρεῖν αἰνὰ μοι τῶν οὐραίων*.

³² В источниках IV в. многократно встречаются обвинения против тех афинян, которые превращают свое имущество в деньги, чтобы скрыть от государства размеры своего состояния и уклониться от связанных с ним повинностей. См., например, I s., V 35—37; VII, 39 сл.; XI, 47 сл.; I s o c r., VII, 35; D e m., XIV, 25; XXVII, 8; XXVIII, 3, 4, 7, 24; XLII, 3, 22 сл.; A e s c h., I, 101; L y s., III, 22, 24; XX, 23; A r i s t., R a n., 1065 сл.; E s s l., 601 слл. Тенденция к превращению «видимого» имущества в «невидимое» характерна для социально-экономической истории Аттики IV в. до н. э. Это свидетельствует об усилении удельного веса и значимости имущества в его денежной форме, о развитии товарного производства и заслуживает особого рассмотрения в связи с проблемой кризиса греческого полиса.

³³ Из заявлений Демосфена во всяком случае бесспорно следует, что самые богатые члены симморий, к которым и его причислили опекуны, платили по иной, более высокой расценке, чем все остальные, и что эта расценка основывалась на соотношении 1 : 5 (500 драхм на 25 мин). См. D e m., XXVII, 7, 64; XXVIII, 4; XXIX, 59.

Число плательщиков, входивших в симмории, нам не известно. Но общее количество афинян, привлекавшихся к уплате эйсфоры, вряд ли превышало 9000 человек³⁴, сохранивших политические права после реформы 322 г. В действительности, конечно, число налогоплательщиков — граждан было значительно меньше 9000, ибо, если даже игнорировать процесс пауперизации, разница в 5 мин очень существенна (ценз Антипатра — 20 мин, минимальный ценз для эйсфоры — 25 мин)³⁵. Вполне согласуется со всей известной нам афинской практикой, что богатые члены симморий платили налог в большей пропорции, чем остальные. С точки зрения плательщиков, внутри симмории эйсфора была налогом прогрессивным³⁶. Очень трудно сказать что-либо определенное о пропорции 1 : 5 для самых богатых членов симмории. К сожалению, у Демосфена, единственного источника по этому вопросу, нет никаких указаний, которые позволили бы сколько-нибудь удовлетворительно его объяснить.

Наряду со спорами о характере эйсфоры различные суждения высказывались и по вопросу о том, был ли налог обременительным для основной массы плательщиков. Одни полагают, что сетования афинян по этому поводу объясняются лишь отсутствием привычки платить прямые налоги³⁷. Другие обвиняют афинское правительство в чрезмерных требованиях к богатым, что в конечном счете вредило интересам казны³⁸. Третьи признают, что налог был обременителен для менее имущих слоев населения, и упрекают богатых граждан за то, что они своим нежеланием тратить деньги на государственные нужды привели к гибели Афинское государство³⁹.

Эти разноречивые суждения определяются не только тем или иным отношением авторов их к политике афинской демократии, но и недостаточностью имеющихся данных. Встречающиеся в источниках жалобы на тяжесть налогового бремени⁴⁰ могут носить случайный и субъективный характер.

Для выяснения вопроса об обременительности налога очень важны немногие известные объективные и бесспорные факты. К их числу относится упоминавшаяся выше сумма в 18 мин, уплаченная опекунами Демосфена за 10 лет, что составляет 1% в год с его *титула*, равнявшейся 3 талантам. Но наибольший интерес в этом плане представляют сохранившиеся в двух речах Демосфена (XXII, XXIV) свидетельства о взыскании недоимок по эйсфоре. Мы узнаем, что для взыскания задолженности по эйсфоре создана была специальная комиссия. К этому времени недоимка по эйсфоре нечислялась в 14 талантов⁴¹.

³⁴ S a i n t e - G r o i x, ук. соч., стр. 333, вслед за Джонсом принимает число плательщиков эйсфоры равным 6000 человек.

³⁵ Вспомним, например, что Сократ у Ксенофонта оценивает все свое имущество, включая и дом, в 5 мин (Осс., II, 3), что инвалид, имевший состояние в 3 мин (300 драм.), уже не имел права претендовать на государственное пособие (Arist., АФ. п., 49, 4); у Лисия (III, 24) упоминается еще меньшее состояние, владлец которого, пусть с преуменьшением, оценил его всего в 250 драм (2,5 мин).

³⁶ Аналогичную мысль, но без аргументации, высказал A n d r e a d e s, ук. соч., стр. 357, прим. 3.

³⁷ См. B e l o s c h, ук. соч., стр. 257; ср. J o n e s, ук. соч., стр. 10.

³⁸ См. A n d r e a d e s, ук. соч., стр. 382 слл.; ср. P. G u i r a u d, L'impôt sur le capital à Athènes, «Revue deux Mondes», 89 (1888), 4, стр. 935.

³⁹ См. S a i n t e - G r o i x, ук. соч., стр. 69; ср. J o n e s, ук. соч., стр. 12 слл.; S c h w a b n, ук. соч., стр. 279.

⁴⁰ См. L y s., XXVIII, 3; Is., V, 37; D e m., I, 20; II, 31; XXIV, 3; XLVII, 50, 56.

⁴¹ Самий факт существования задолженности по эйсфоре свидетельствует, что в предшествующие созданию комиссии годы не прибегали к проэйсфоре. При авансировании налога государству состоятельными афинянами недоимки не могли получиться, так как проэйсфорты должны были сами заботиться о взыскании следующих с налогоплательщиков сумм и несли связанные с этим убытки. См., например,

Создание особой комиссии по взысканию этих недоимок было единичным фактом, а не обычной практикой⁴². Андротион обвиняется в том, что он из личной вражды к Евктемону объявил его государственным должником по эйсфоре и тут же предложил избрать специальных лиц для взыскания недоимок (XXII, 48)⁴³. Чтобы убедить собрание принять решение, он демагогически предложил выбрать одно из трех: или ограничить торжественные праздничные процессии, или декретировать новую эйсфору, или же взыскать с должников. Народ, естественно, выбрал последнее (XXII, 549).

Говоря о произволе и злоупотреблениях Андротиона при выполнении порученного ему дела, оратор подчеркивает, что к числу плательщиков относилась масса афинян⁴⁴, те самые, перед которыми он выступает. Предвидя заявление Андротиона, что, если осуждены будут его действия, можно будет безнаказанно не платить эйсфору, Демосфен позволяет себе смелое утверждение: больший проступок — внести предложение вопреки законам, чем не платить эйсфору⁴⁵. Вряд ли такое заявление можно было себе позволить в отношении какой-либо литургии, затрагивавшей интересы только богатой верхушки. Ведь оратор должен был все время заботиться о благосклонном отношении к себе аудитории, от которой зависело решение вопроса, эйсфора же касалась каждого из присутствовавших, который при случае мог также оказаться в неблагоприятной роли недоимщика. Противозаконные методы, применявшиеся Андротионом, были хуже, по определению оратора, чем методы «30». Демосфен подчеркивает, что это вредит интересам всех афинян⁴⁶.

[D e m.], L, 9: «И первым внес взносы по проэйсфоре и не взыскал их из-за того, что тогда ушел, выполняя для вас триерархию, а позднее, когда вернулся, оказалось, что то, что легко было собрать, уже взыскали другие, а осталось лишь то, что невозможно было взыскать». Государство, по-видимому, не вмешивалось в эти отношения. Конечно, проэйсфоренты имели право требовать следуемые им суммы через суд в порядке частных исков. К сожалению, свидетельства о таких тяжбах не сохранились. Возможно, что такого рода иску была посвящена утерянная речь Лисия (περί τῆς εἰσφορᾶς), о которой упоминают лексикографы. См. H a g r o s s., s. v. ἐπιγραφᾶς; ср. S u i d., s. v. ἐπιγραφόμενῳ; L y s., fr. XLIII (Sauppe).

⁴² Демосфен упоминает, правда (XXII, 63), сумму в 34 таланта, которые взыскал с тех же самых плательщиков, что и Андротион (τοὺς αὐτοὺς τοὺς ἀνθρώπους), эмислет корабельных верфей Сатир на оснащение отплывавших судов. Это, возможно, был какой-то специальный сбор типа ἐπίδοσις, а не эйсфора. Об обстоятельствах создания комиссии см. D e m., XXII, 48; ср. XXIV, 160.

⁴³ Выступление Демосфена против Андротиона, как и против Тимократа, было выражением происходившей в то время в Афинах политической борьбы. Оратор принадлежал к иной политической группе, чем Андротион и Тимоkrat. Политический характер имела и вражда Андротиона с Евктемоном. Здесь перед нами любопытное свидетельство того, как по вопросу об эйсфоре сталкивались представители враждовавших в IV в. до н. э. афинских политических группировок. О политических расприх в Афинах этого времени см. R. Sealey, *Athens after the Social War*, JHS, LXXV (1955), стр. 74 слл.

⁴⁴ XXII, 50... ὅμῃς δ' εἰσέπραττεν...; XXIV, 162... ἐπὶ τὰς ὑμετέρας οἰκίας...; § 111... τῷ πλῆθει τῷ ὑμῶν; § 169... τῶν μὲν πολλῶν ἡμῶν...; § 171... τοὺς μὲν πολλοὺς...

⁴⁵ XXII, 43... πολὺ γὰρ δῆπου μείζον ἐστ' ἁδίκημα γράφειν παρὰ τοὺς νόμους ἢ τὴν εἰσφορὰν μὴ τιθέναι.

⁴⁶ XXII, 51: «И пусть никто не подумает, будто я считаю, что не надо взыскивать с должников. Конечно, надо. Но как? Как закон предписывает... А вы, афиняне, не столько пользы получили от взысканных подобным образом денег, сколько вреда от того, что в наше политическое управление вводятся такие нравы». Ср. XXII, 62: «Эйсфору каждый считает необходимым расходом (τὴν μὲν εἰσφορὰν ἕκαστος ἀναγκαῖον ἀνάλωμα ὑπελαμβάνει εἶναι...), но сердится, когда над ним издеваются». Обвиняя Андротиона, что он был безучастен, когда народу и государству вредили отдельные стратеги и ораторы, Демосфен противопоставляет этому его чрезмерную активность, когда дело коснулось небольших провинностей многих граждан. К первой категории относится и сам Андротион, а массу афинян он ни во что не ставит (ὅμῃς δ' οὐδενὸς ἀξίους ἡγήσατο). Ср. XXII, 67.

Кто же были неплательщики налога? Среди них имеются люди разного состояния. Так, в § 53 говорится, что и бедный человек, и даже богатый, много израсходовавший, могут оказаться без наличных денег и, следовательно, попасть в число неплательщиков⁴⁷. Среди них были и граждане, и метеки⁴⁸. Любопытно, что среди жертв Андротиона фигурируют и две женщины (§ 55). Это, вероятно, вольноотпущенницы, занимавшиеся своим промыслом. Известно, что женщины-метеки, не имевшие мужей, платили подушный налог — *μετοίκιον*⁴⁹. По-видимому, они привлекались и к уплате эйсфоры. Демосфен, правда, говорит, что Андротион несправедливо привлек их, так как они не имели задолженности по эйсфоре, но не оспаривается самый факт обложения их налогом.

Демосфен подчеркивает, что неплательщики были не злостными, а вынужденными (§ 56). Конечно, это могло вызываться стремлением опорочить Андротиона, но приводимые в речи конкретные факты в общем подтверждают это заявление. Факты, сообщаемые современникам и очевидцам событий, о которых шла речь, вряд ли могли целиком искажаться.

Суммы задолженности невелики. Прямо говорится, что ни одна из них не превышала мины, а приведенные примеры еще меньше — 34, 70 драм (XXII, 60). Так как Андротион собрал всего 7 талантов (XXII, 44), можно предположить, что число недоимщиков, с которых он взыскал деньги, достигало 500 человек⁵⁰. А так как это только половина всей суммы долга в 14 талантов, общее число должников по эйсфоре было значительно больше.

К сожалению, нет сведений о том, почему, несмотря на жесткие меры, примененные Андротионом, ему удалось собрать только половину следуемой суммы. Возможно, часть должников покинула к этому времени Афины (например, метеки типа упоминавшихся женщин) или находилась в отъезде (морские экспедиции, торговые дела) в период работы выделенной комиссии, а возвратилась тогда, когда ее полномочия уже закончились.

Андротиону ставится в вину, что он, вопреки закону, посягнул не только на имущество, но и на личность должников (§§ 52—56). Отсюда можно заключить, что неплательщики располагали тем или иным имуществом, которое можно было изъять у них. Для суждения о социальном составе должников интересно следующее рассуждение оратора. Демосфен (XXII, 65) ставит вопрос, кто больше вредит государству — те ли, которые возделывают землю и бережливы, но из-за трат на воспитание детей, хозяйственных расходов и литургий стали должниками по эйсфоре, или те, которые воруют и губят средства, поступившие от охотно уплативших эйсфору и от союзников. Таким образом, в числе неплательщиков эйсфоры

⁴⁷ ... ἀνθρώπος πένης ἢ καὶ πλούσιος, πολλὰ δ' ἀνθρώκως καὶ τιν' ἴσως τρόπον εἰκότως οὐκ εὐπορῶν ἀρτυρίου (= XXIV, 165); ср. XXIV, 123: «Если какой-либо... государственный должник примет участие в народном собрании... вы не разрешаете, хотя и знаете, что он оказался в таком положении из-за бедности». Демосфен, конечно, не имел здесь в виду таких должников, как подрядчики, откупщики, которые могли оказаться злостными неплательщиками.

⁴⁸ § 54... ἴδεις καὶ ὕβρις πολίτας ἀνθρώπους καὶ τοὺς ταλαιπώρους μετοίκους; § 68... ὁμοῦ μετοίκους, Ἀθηναίους δέων, ἀπάγων..., ср. XXIV, 166.

⁴⁹ См., например, [De m.], XXV, 57.

⁵⁰ 7 талантов = 420 минам. Если бы каждый был должен мину, число плательщиков составило бы 420 человек. Но многие должны были меньше мины (например, 34 драмы, 70 драм). Осложняет возможность расчетов то, что Андротион, по словам Демосфена, взыскивал двойные суммы (XXIV, 169... ἕτε τὴν διπλάσιαν ἀποπράττει; ср. 185, 198), как и полагалось, с государственных должников. Но вероятнее всего, говоря о взыскании 7 талантов, оратор имеет в виду то, что получено в уплату самого долга, а не сверх него (ср. XXIV, 162, где названа другая сумма, — 5 талантов).

оказываются бережливые сельские хозяева, отдельные из которых даже несут литургии, т. е. отнюдь не являются бедняками. Они собственники и платят налог со своего имущества⁵¹. Из названных по имени четырех должников (XXII, 60) двое — Лептин и Калликрат — были, безусловно, состоятельными людьми, так как они выполняли даже триерархию⁵². Однако отсюда не следует, что к этой же категории относилась масса должников. Вполне естественно, что четверо, названные по имени из большого числа должников, — это люди, наиболее известные и оратору, и аудитории. Демосфен, обращаясь к разнородному составу гелистов и стремясь вызвать у них возмущение против Андротиона, был заинтересован в том, чтобы возможно шире очертить круг людей, задетых злоупотреблениями его противника. Поскольку эйсфору платили все мало-мальски имущие, в числе педоимщиков могли оказаться люди разного состояния — одни закономерно, в силу нужды, другие случайно — из-за отсутствия у них наличных денег. Оратор отнюдь не заинтересован в том, чтобы акцентировать внимание на неимущих бедняках. Поэтому общие его рассуждения о бережливых сельских хозяевах и богаче, у которого из-за больших расходов не оказалось под рукой наличных денег, не могут служить основанием для выводов о социальном положении недоимщиков. Иное дело — конкретные факты, упоминаемые Демосфеном и рассчитанные на аудиторию, хорошо с этими фактами знакомую. Когда говорится о произвольных действиях Андротиона и Тимократа, которые, врываясь в дома, уносили имущество должников, а их самих увлекли в тюрьму⁵³, видно, что речь идет о людях небольшого достатка, так как в перечне захваченных вещей мы не встречаем ни дорогих кубков, ни драгоценностей⁵⁴. Упоминаются подстилки, деревянные части дома (например, двери), т. е. то, что было в жилище любого афинского бедняка⁵⁵. Примечательно, что из рабов упоминаются только служанки, которые не представляли большой ценности⁵⁶ и, судя по комедиям Аристофана и другим источникам IV в., имелись и у бедных граждан.

Как уже было сказано, у авторов IV в. до н. э. мы встречаемся с заявлениями о тягости налога, о том, что афиняне «устали платить эйсфору»⁵⁷. Речь может идти об обычных жалобах состоятельных афинян, которые, по мере ослабления их полисного патриотизма, все более тяготились возлагаемыми на них финансовыми повинностями. Если эйсфора упоминается

⁵¹ XXII, 65: «Сколь ни бесстыден Андротион, он все же не скажет, что те, кто не платит налогов со своего имущества, вредят больше тех, кто расхищает общественное достояние».

⁵² См. IG, II/III², 1609, стк. 72; 1622, сткк. 361, слл., 375 слл. 1622 В, сткк. 165 сл.; о том, насколько разорительной могла оказаться триерархия в IV в., свидетельствуют примеры Аполлодора и Тимофея. [D e m.], L, 14—15 и XLIX, 6, 11—12, L у s., XIX, 9 и др.

⁵³ Дет., XXII, 52 слл.; XXIV, 145, 197.

⁵⁴ В другой речи, приписываемой Демосфену, где тоже говорится о произвольных действиях кредитора в отношении должника, объектом захвата, кроме скота и рабов, явилась именно находившаяся в доме драгоценная утварь ([D e m.], XLVII, 52 слл.).

⁵⁵ XXIV, 197... *θύρας ἀφαιρεῖν καὶ στρώμαθ' ὑποπλῆν ... καὶ διάκονον ἐν τῷ ἐχρήτῳ ταύτην ἐνεχράζειν*.

⁵⁶ Об этом свидетельствует то, что Демосфен, подробно по статьям перечисляющий в речи против Афоба имущество, оставленное ему отцом, не упоминает в перечне домашних рабынь, хотя о рабах, занятых производительным трудом, говорит очень подробно. О существовании этих рабынь мы узнаем случайно (XXVII, 46), когда Афобу ставится в вину, что он, хотя и не женился на матери Демосфена, взял себе завещанное ей приданое, а сверх того еще и служанок (*τὰς θεράπαινας*).

⁵⁷ L у s., XXVIII, 3... *ὁὕτως αὐτοὶ πιεζόμενοι ταῖς εἰσφοραῖς...*; Xen., Hell., VI, II, 1., Oec., II; Is., V., 37: *εἰσφορὰν τοῖσιν τοσοῦτον γυμνημένον πᾶσι τοῖς πολίταις*; ср. Dem., I, 20; II, 31; XXIV, 3; ср. XXIV, 111. Когда он (ср. Тимократ) занимал должность вместе с Андротионом, он не проявил такой жалости к нашему народу, который устал (изнемог) уплачивать свои деньги ([D e m.], XLVII, 54).

наряду с литургиями, мы безусловно имеем дело с этой категорией недовольных. Когда об обременительности эйсфоры говорит Ксенофонт, это скорее всего надо понимать в смысле недовольства богатых плательщиков⁵⁸. К их жалобам следует относиться критически. Но для рядовых афинян, состояния которых немпогим превышали минимальный ценз для эйсфоры (25 мин), могла вызвать затруднения уплата и небольшой суммы наличными⁵⁹. К ним, по-видимому, принадлежали те недоимщики, у которых Андротиону нечего было взять в доме, кроме дверей, подстилок или домашней рабыни. Такие налогоплательщики составляли значительную часть членов симморий. Об этом свидетельствует и большое число недоимщиков с небольшой сравнительно задолженностью, и заявление Аполлодора о трудностях взыскания внесенной им проэйсфоры ([D e m.], L, 9).

К числу недостаточно выясненных вопросов относится и степень участия метеков в эйсфоре. Что метеки тоже привлекались к эйсфоре, видно и из литературных, и из эпиграфических свидетельств⁶⁰. Затруднения вызывают слова Демосфена, что метеки платили $\frac{1}{6}$ часть⁶¹. Эта же «шестая часть» упоминается в афинской надписи IV в. до н. э. (337/36)⁶².

Что же такое эта « $\frac{1}{6}$ » метеков? По этому поводу существуют различные мнения. Одни полагают, что оценка имущества метеков-налогоплательщиков составляла $\frac{1}{6}$ общеаттической оценки и что, следовательно, на долю метеков приходилось 1000 талантов из 6000⁶³. Поэтому при взыскании налога метеки платили всегда $\frac{1}{6}$ декретированной суммы. Высказывалось и такое мнение, что метеки платили налог в той же пропорции, что и афинские граждане, а сверх того еще $\frac{1}{6}$ надбавки к причитающейся с каждого из них сумме налога⁶⁴. Во всяком случае, большинство склоняется к тому, что метеки в отношении эйсфоры поставлены были в худшие условия, чем граждане⁶⁵. Об этом свидетельствует то, что право платить эйсфору на равных основаниях с гражданами предоставлялось метекам

⁵⁸ Кстати, у них не было особых оснований для недовольства эйсфорой, если за 10 лет опеки над Демосфеном за него уплатили всего 18 мин. В речи против Андротиона указано, что со времени Навсиника (378/377) до создания комиссии по взысканию недоимок сумма эйсфоры составила всего 300 талантов. XXII речь датируют обычно 355 г. до н. э. (F. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, III², стр. 258; ср. K a h r s t e d t, ук. соч., стр. 207, 212 сл.). К этому времени комиссия уже закончила свою работу. Так как недоимки могли появиться лишь при прямой системе взимания налога государством, а проэйсфора засвидетельствована впервые в источнике, датированном 360 г. до н. э. ([D e m.], L, 9), можно полагать, что 300 талантов эйсфоры подлежали взысканию за период в 10—15 лет (378/377—360). Относительно общеаттической $\tau\acute{\iota}\mu\eta\mu\alpha$ (6000 талантов) 300 талантов составляют 5%. Это не так уж много для состоятельных афинян. Иное дело проэйсфора. Правда, в отличие от других дорогостоящих литургий, проэйсфора предполагала, по крайней мере формально, возвращение израсходованных денег. Но это не всегда удавалось (см., например., [D e m.], L, 9).

⁵⁹ Так, например, из [D e m.], XLII, 22, видно, что состояние, почти вдвое превышавшее 25 мин., считалось все же недостаточным: «Отец мой оставил имущество мне и брату только по 45 мин. Нелегко жить с такого состояния». Правда, здесь мотивируется отказ от выполнения литургии. Но сходные жалобы встречаются и у Исея.

⁶⁰ D e m., XXII, 6; L y s., XII, 20; XXII, 5, 13; I s o c r., XVII, 45; H y p e r g., fr. 149 у P o l l., VIII, 144; IG, II/III², 141, 244, 287, 360, 554.

⁶¹ D e m., XXII, 61... $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu\epsilon\iota\epsilon\eta\kappa\alpha\iota\epsilon\chi\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu\epsilon\iota\nu\alpha\iota\kappa\alpha\iota\pi\rho\sigma\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota\nu\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma\tau\omicron\epsilon\chi\tau\omicron\nu\mu\epsilon\rho\omicron\varsigma\epsilon\iota\sigma\phi\epsilon\rho\epsilon\iota\nu\mu\epsilon\tau\alpha\tau\omicron\nu\mu\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\omega\nu$.

⁶² IG II/III², 244, стк. 20... $\epsilon\iota\sigma\phi\epsilon\rho\epsilon\iota\nu\delta\epsilon\kappa\alpha\iota\tau\omicron\upsilon\varsigma\mu\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma\tau\omicron\epsilon\chi\tau\omicron\nu\mu\epsilon\lbracket\omicron\varsigma\dots\rfloor$.

Здесь идет речь об особых взносах на оборонительные сооружения, но так как и доля метеков, и даже словоупотребление буквально совпадают со свидетельством Демосфена, есть основания думать, что система взимания этих денег была той же, что при эйсфоре.

⁶³ Так, Schwahn, ук. соч., стр. 273 сл.

⁶⁴ См. Sainte-Groix, ук. соч., стр. 32, прим. 5.

⁶⁵ См., например, Andreades, ук. соч., стр. 298, прим. 1; 349, прим. 6 и 351 прим. 2 (« $\frac{1}{6}$... keine wohlwollende Massregel bedeutete»). Ср. Sainte-Groix, ук. соч., стр. 56.

в виде привилегии за особые заслуги перед Афинским государством⁶⁶. В источниках упоминаются симмории метеков, что свидетельствует о наличии у них своей организации, отдельной от граждан, но, вероятно, сходной по структуре⁶⁷. В числе недоимщиков, с которыми столь жестоко обошелся Андротион, также фигурируют метеки⁶⁸. Повидимому, сама организация сбора эйсфоры и с граждан, и с метеков осуществлялась одинаково. Отличалась только система начисления налога.

Представляется возможным высказать по этому поводу некоторые соображения. Обычно полагают, что при общей оценке достояния Аттики в 378/377 г. сюда было включено и имущество метеков⁶⁹. Прямо об этом нигде в источниках не говорится, по это считают само собой подразумевающимся. Между тем это совсем не так уж бесспорно. Общеаттическая оценка 378/377 г. дала некую конкретную цифру, которая в течение долгого времени служила основой для определения возможной ко взысканию суммы налога и превратилась в известной мере в условную и стабильную величину. Если можно говорить о значительных изменениях в имущественном положении афинских граждан в течение IV в., то в значительно большей мере это относится к метекам, не имевшим права владеть недвижимым имуществом. К тому же, как правило, перемены в материальном положении отдельных граждан не меняли в сколько-нибудь значительной степени общей цифры достояния Аттики, ибо имущество переходило из рук в руки, не уходя за пределы страны. Иначе дело обстоит с метеками, которые гораздо легче снимались с места и, покидая Аттику, конечно, все увозили с собой. Включать столь неустойчивые данные, как имущество, принадлежавшее метекам, в стабильную цифру, с которой исчислялся налог в течение чуть ли не целого столетия, вряд ли было целесообразно. И уж во всяком случае фактическое соотношение имущества граждан и метеков не могло представлять собой устойчивой пропорции 6 : 1. Исходя из этих соображений, можно предположить, что имущество метеков не было включено в цифру общеаттической *τίμημα* — 6000 талантов, поскольку оно представляло собой очень неустойчивую величину.

Однако раз навсегда было установлено, что при любом случае взыскания эйсфоры метеки должны были платить $\frac{1}{6}$ всего налога. Это позволяло легко и быстро рассчитать приходившуюся на их долю сумму, которая затем уже, как и для афинян, распределялась между симмориями метеков и внутри них. В эти симмории входили не только постоянно жившие в Афинах метеки, но и иностранцы, приезжавшие по делам и задержавшиеся здесь сверх определенного срока⁷⁰. Внутри симморий метеков

⁶⁶ См. IG, II/III², 287, 360.

⁶⁷ IG, II/III², 244, стк. 26[... τοὺς ταμίαις καὶ τοὺς ἐπιμελητάς τῶν μετοικικῶν [σ]υμμοριῶν...]; ср. Нуретт, in: 149 у Poll., VIII, 144.

⁶⁸ Dem., XXII, 54... καὶ ὄφριες πολίτας ἀνθρώπους καὶ τοὺς θαλαπῶρους μετοίκους...; ср. §56.

⁶⁹ Так, Сент-Круа, ук. соч., стр. 36, на том основании, что при упоминании *τίμημα* нигде не говорится, что это *τίμημα* афинян (т. е. граждан), заключает, что это не случайно, ибо подразумевались и метеки. Не говоря уже о малой убедительности этого довода, подобную формулировку можно объяснить и тем, что эйсфору платили не только с имущества частного, но и с общественного (владения демонов), о чем свидетельствуют упоминавшиеся выше договоры об аренде (см. IG, II/III², 2492, 2497, 2498).

⁷⁰ Об этом свидетельствует афинский декрет, датируемый 70-ми или 60-ми годами IV в. до н. э., в честь Стратона, сидонского царя. Ему и его потомкам даются проксения и ряд почестей, а сидоняне, приезжающие по торговым делам в Афины, освобождаются от подушного налога, хорегии и эйсфоры (IG, II/III², 141, стк. 30 слл.: ... ὅποσοι δ' ἂν Σιδωνίων οἰκόντες ἐς Σιδῶνι καὶ πολιτεύμενοι ἐπιδηώσιν, κατ' ἐμπορίαν Ἀθήνῃσι μὴ ἐξεῖναι αὐτοὺς μετοίκιον πράττεσθαι μηδὲ χορηγὸν μηδὲνα καταστῆσαι μηδ' εἰσφορὰν μηδεμίαν ἐπιγράφεν).

налог тоже распределялся, по-видимому, неравномерно. Об этом свидетельствует одно место у Исократ (XVII, 41), где сын Сопея говорит, что он сам себе записал наибольший взнос по эйсфоре ⁷¹. По-видимому, в симфониях метеков многое зависело от доброй воли их участников ⁷².

В какой мере эйсфора была для метеков обременительной повинностью? Нам не известно ни численное соотношение граждан и метеков в течение IV в. до н. э., ни, тем более, соотношение их достояний. Согласно приводимым у Афиней цифрам (VI, 272с), в 317 г. до н. э. на 21 000 граждан приходилось 10 000 метеков. Метеки, таким образом, составляли тогда $\frac{1}{3}$ свободного населения Афиц. Если допустить, что примерно такое же соотношение с известными колебаниями действительно было в течение и других периодов IV в. до н. э., то получается, что доля метеков в эйсфоре была вдвое меньше их удельного веса среди потенциальных налогоплательщиков. Казалось бы, из этого одного следует, что эйсфора в меньшей степени обременяла метеков, чем граждан. Однако это не так. Прежде всего следует учесть, что среди метеков процент неимущих был значительно выше, чем среди гражданского населения ⁷³, следовательно, очень многие метеки вообще не подлежали привлечению к эйсфоре ⁷⁴.

То, что метеки не имели права владеть недвижимым имуществом, затрудняло и учет их состояний, и возможность взыскания с них соответствующих сумм. Богачи типа Пасиона среди метеков были исключением, в то время, как среди граждан в IV в. до н. э. известен ряд очень состоятельных людей. Обязанность метеков платить $\frac{1}{6}$ всей эйсфоры отнюдь не означала для них льготных условий в сравнении с гражданами. Как уже говорилось, право платить эйсфору наравне с гражданами давалось метекам в виде особой привилегии. И у нас нет никаких оснований полагать, что эта льгота не имела значения и только льстила тщеславию того или иного метека ⁷⁵. К сожалению, нам известно очень мало случаев предоставления такого права метекам. Но в двух сохранившихся надписях обращает на себя внимание то, что право платить эйсфору наравне с афинянами дается в сочетании с правом приобретать недвижимое имущество ($\gamma\eta\varsigma$ καὶ οἰκίας ἐχτήσις) ⁷⁶. Конечно, рискованно делать выводы на основании только двух свидетельств, но это совпадение заслуживает внимания, и знаменательно, что пока неизвестны случаи уравнивания с гражданами в эйсфоре без одновременного предоставления ἐχτήσις. Если это совпадение закономерно, то тем самым подчеркивается роль недвижимого имущества, как наиболее устойчивой, не поддающейся утайке и обеспечивающей уплату налога собственности. Уравнивание отдельных метеков с гражданами в области финансовых повинностей сочетается в дан-

⁷¹ Isocr., XVII, 41: πρὸς δὲ τοῦτοις εἰσφορὰς ἡμῖν προσταχείας... αὐτὸς τε αἰρεθεὶς ἐμαυτῷ μὲν ἐπέγραψα τὴν μεγίστην εἰσφορὰν...

⁷² В конце IV в. до н. э. в декрете в честь Евксенида, которому даруется исотелия и право ἐχτήσις, в перечне его заслуг указываются аккуратные платежи эйсфоры — IG, II/III², 554, стк. 9 слл.:... καὶ τὰς τε εἰσφορὰς ἀπ[ά]σας ὅσας ἐψήφισται ὁ δῆμος εἰσβενύχεῖν τοὺς μετοίκους ἐβ[ε]λτήτως εἰσενήοχεν...

⁷³ См. В о с к о в, ук. соч., стр. 625; Л. М. Г л у с к и н а, Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 75 слл.

⁷⁴ Надо думать, что минимальный ценз — 25 мин — распространялся и на метеков. Во всяком случае слова Лисия в речи против хлебных торговцев (XXII, 20), обвиняющего метека, что он от эйсфоры отговаривается бедностью, свидетельствуют, что и метеки, не обладавшие определенным цензом, освобождались от эйсфоры.

⁷⁵ Так, например, полагает С е н т - К р у а, ук. соч., стр. 32, прим. 5.

⁷⁶ См. IG, II/III², 287, (336/5 г. до н. э.):... καὶ δ[έ]δοσθαι αὐτοῖς ἰσοτέ[λε]ιαν... καὶ τὰς εἰσφορὰς εἰσφέρειν... καθάπερ Ἀθηναῖοι... εἶναι δὲ αὐτοῖς καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἐχτήσιν..., IG, II/III², 360 (325/4 г. до н. э. — декрет в честь саламинца Гераклида) стк. 17 — 20; εἶναι δ' αὐτοῖς καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἐχτήσιν κατὰ τὸν νόμον... καὶ εἰσφέρειν τὰς εἰσφορὰς μετὰ Ἀθηναίων.

ном случае с дарованием им важного и желанного права — владеть недвижимым имуществом.

Выводы, к которым можно прийти на основании имеющихся свидетельств об эйсфоре, ввиду неясности и скудости данных, имеют, естественно, только гипотетический характер.

Исчисление эйсфоры в IV в. до п. э. производилось с установленной в 378/377 г. оценки ($\tau\acute{\iota}\mu\eta\iota\alpha$) всего подлежащего обложению имущества Аттики. Так как размер налога определялся в одинаковом процентном отношении ко всей $\tau\acute{\iota}\mu\eta\iota\alpha$, эйсфора формально не была прогрессивным налогом. Но при распределении палого внутри симморий более богатые платили не только абсолютно, но и относительно большие суммы, чем остальные.

Несмотря на небольшие размеры одновременно требовавшихся взносов, эйсфора была обременительной повинностью для малоимущих плательщиков. Это видно из свидетельств Демосфена о взыскании недоимок по эйсфоре. Однако встречающиеся в источниках жалобы на тяжесть налогового бремени преувеличены и выражают чаще всего недовольство имущей верхушки афинян необходимостью авансировать налог государству ($\pi\rho\omicron\epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\acute{\iota}$), что было связано и с действительными трудностями, и с характерным для этого периода ослаблением полисного патриотизма.

Упоминаемая в источниках об эйсфоре « $\frac{1}{6}$ метеков» означает, по нашему мнению, что метеки, включенные в особые симмории, платили всякий раз $\frac{1}{6}$ декретированной суммы палого. Их имущество, подвижное и неустойчивое, не было включено в стабильную оценку аттического достояния в 6000 талантов. Так как метеки не владели землей и домами и в массе своей составляли рабочий и торгово-ремесленный люд, относительное число состоятельных людей среди них было меньше, чем среди полноправных граждан, и падавшая на их долю $\frac{1}{6}$ палого была более значительным бременем, чем для массы плательщиков-афинян. Поэтому предоставление метекам права платить эйсфору наравне с афинскими гражданами считалось привилегией, даруемой за особые заслуги. Значение этой привилегии подчеркивается тем, что она даруется метекам наряду с предоставлением права $\epsilon\dot{\iota}\chi\tau\eta\iota\varsigma$.

Эйсфора — прямой налог с имущества, — впервые введенная в 428/427 г. до н. э. как однократная крайняя и вынужденная войной мера, постепенно в течение IV в. до п. э. становится обычным явлением в финансовой практике Афинского государства. Систематическое обращение к эйсфоре, поиски новых форм взыскания налога (симмории, проэйсфора), дискуссии в народном собрании в связи с декретированием очередной эйсфоры, многочисленные жалобы на обременительность налога в источниках, жесткие меры для взыскания недоимок — все это относится к числу свидетельств об углубляющемся кризисе афинского полиса, о крупном экономическом и социальных основ рабовладельческой демократии.

